

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ЭТРУСКАХ¹

(Извлечение из доклада, прочитанного на заседании исторической секции Академии наук СССР в Ленинграде 16 декабря 1937 г.)

Ганс Мюлештейн

(доктор философии, Цюрих)

«Но не следует в тех случаях, когда люди, передавшие историю местностей, разноречат между собой, тотчас отказываться от всей истории. Иногда даже тем лучше удастся доказать все в целом».

(Стр а б о н, 1, 2, 13)

Введение

Вопрос об этрусках не является узкоспециальным или частным вопросом. Он принадлежит к широкому кругу вопросов происхождения до-«индоевропейских», автохтонных народностей Средиземноморского бассейна и истории их культуры. Этот вопрос соединяет доисторию и историю и должен выяснить крайне важную стадию развития всего западного человечества. Кроме того, он устанавливает основные моменты для понимания культуры древнего Рима.

«Происхождение» этрусков и «начало» их культуры, известной из истории, это—не тождественные вопросы. Поэтому оба эти вопроса должны быть изучены независимо один от другого. Что касается вопроса о происхождении этрусков, то приходится, правда, обращаться к строго-«историческим» приемам (изучение источников), причем, кроме классических и египетских источников, должны быть привлечены также библейские источники. Однако даже для этой цели исторические источники оказываются недостаточными. Здесь приходится прибегать также к доистории и истории культуры, в частности к изучению доисторических письмен и языков. Что касается происхождения этрусской культуры, то выяснение этого вопроса совершенно невозможно без широкого привлечения доисторических и культурно-исторических моментов. Наконец, для выяснения всего комплекса вопросов безусловно необходимо также учитывать факты естественно-исторического порядка.

Вопрос о «происхождении» этрусков изучался более ста лет (со времени выхода в свет книги К. О. М ю л л е р а—«Этруски», 1828, на нем. языке) в слишком узком аспекте ближайших связей; такой односторонний подход постоянно вел здесь к ошибочным заключениям. Крупнейшее препятствие к разрешению этого вопроса создали известные старые немецкие историки от Нибура через Моммзена до Эд. Мейера (в его работах до 1928 г.), прежде всего своим общим разлагающе-скептическим отношением к вопросу. Моммзен договорился даже до того, что происхож-

¹ Редакция помещает данную статью цюрихского профессора Г. Мюленштейна по дискуссионному вопросу об этрусках ввиду исключительной актуальности этой, еще не решенной наукой, проблемы. Вместе с тем, редакция призывает также и советских историков принять участие в научной дискуссии по этой проблеме.

дение этрусков «недоступно нашему познанию, да и вообще не стоит его»; достойной параллелью к этим словам Моммзена является высказывание Эд. Мейера от 1893 г.: «Сообщения древних о происхождении этрусков не имеют никакой цены». Это скептическое отношение родилось на почве политически небезынского самоотождествления немецких историков с римскими победителями этрусков; таким образом, эти историки исходили из слишком поздних и пристрастных сообщений об этрусках, как народе, уже вычеркнутом из истории в политическом отношении. Для оправдания скептицизма нарочно прибегали к Дионисию Галикарнасскому (1, 17, 20, 27—30), источнику тоже очень позднему, в котором риторика преобладает над историческим изложением. В угоду этому скептицизму просто-напросто отменяли всю прочную многоголосую традицию античного мира, в том числе такие старые и первоклассные источники, как Гелланик и Геродот.

Большой вред изучению этруской проблемы нанесло создание злополучной специфически-немецкой (тевтонской) «ретийской» гипотезы, с которой с самого начала резко разошлись не только сообщения всех серьезных античных источников, но также вся археологическая наука (Денникс, Ноэльде-Вержер и др. и все итальянцы), включая и немецкую (например даже Гельбих). Еще Эд. Мейер в течение 35 лет (1893—1928), отделяющих первое от второго издания второго тома его «Истории древнего мира», придерживался «ретийской» теории, причем она мешала ему оценить полностью самые древние и важнейшие источники об этрусках, а именно египетские источники о «турша», хотя они были открыты Руже еще в 1867 г. Эта теория поставила также археолога Шухарта в неразрешимое противоречие с результатами его собственных археологических изысканий (например о «западном» происхождении могильника с атриумом).

Это столетнее заблуждение надо считать окончательно ликвидированным со времени выхода в свет второго издания «Истории древнего мира» Эд. Мейера (том II, часть 1) в 1928 г. и признания Эд. Мейером всего исторического значения источников о «турша» — стелы Мернепта I, XIX династии, в Карнаке и Атрибис — о происшествии с «приморскими народами» в 1227 г. до н. э., а также стелы Рамсеса III, XX династии, о событиях в 1196 г. (1193 г.), 1193 г. (1190 г.) и 1190 г. (1187 г.) до н. э. в храме Аммона в Мединет-Хабу. Впрочем, кроме вынужденного признания этих источников, которое уже давно назрело, Эд. Мейер тоже не внес ничего положительного в выяснение вопроса о происхождении этрусков.

В тот самый момент, когда Эд. Мейер, наконец, отказался от столетнего заблуждения, выступили итальянец Луиджи Парети и группа молодых «ученых», заядлых фашистов. Они выступили на I Национальном итальянском конгрессе этрускологов во Флоренции в 1926 г. и затем на I Международном конгрессе этрускологов во Флоренции и в Болонье в 1928 г. При этом преследовалась цель доказать стопроцентную *italianità* всего этруского, т. е. непрерывную расовую преемственность «индоевропейцев» от эпохи Вилланова через этрусков до латинян и римлян. Что касается «восточного налета» у этрусков (в точности по Мартана, Денкитса и Этторе Паиса), то его объясняли исключительно влияниями торговых сношений и «моды». Эта попытка аннексировать этрусков для вящей славы Рима кончилась крахом, так как натолкнулась на решительное сопротивление всех авторитетных ученых, в том числе и лучших итальянских. Однако исключение составило большинство немецких ученых (кото-

тые еще ничего не знали о перемене взглядов Эд. Мейера), кроме маститого Фридриха Дуна. На обоих конгрессах я лично внес свою лепту в борьбу с упомянутой тенденцией.

I

Можно считать, что сообщение Геродота (I, 94) и традиция всего древнего мира относительно этрусков восстановлены в своих правах. Однако в настоящее время это оказывается для нас уже недостаточным. Это сообщение, эта традиция говорят только о последней стадии возможных миграций и культурной экспансии «этрусков» до их существования в Италии. Да и эту стадию можно мыслить не в том виде, в каком она является у Геродота.

Уже со времени расшифрования Руже в 1867 г. египетских источников о «приморских народах» (RA, 1867) стало не только возможно, но даже необходимо расширить наши представления о связи между народами; она восходила уже в глубь II тысячелетия, причем охватывала также этрусков. Она охватывает, согласно египетским источникам, все народы, которые, примерно, в 1200 г. до н. э. селились или странствовали в бассейне Эгейского моря и даже всей восточной части Средиземного моря. Такими народами были: «кафти» (критяне или кафторы), «пурста» или «пуирста» (филистимляне), «лукка» (ликийцы) и наряду с ними ахееане, как-то «данауна» (данаицы) и «акайваша» (ахееане). Но этот комплекс гораздо шире; он охватывает вместе с «шакаруша» также «шакальша» (быть может, сикулы) и «шердана» (быть может, сардиняне); те и другие оказываются вместе с «турша» (этруски) в числе египетских «приморских народов». Весьма вероятно, что этот комплекс простирается также на Южную Италию, Сицилию и Сардинию, стало быть, на западный Средиземноморский бассейн. Мало того, другой такой «приморский народ», «машауаша» (макси, или массилийцы, массэсильцы) может с помощью перечня африканских народов у Геродота (IV, 191) быть локализован севернее озера Тритон (т. е. нынешнего Шотт-эль-Джерид в Южном Тунисе). Это один из главных народов, царь его Машвеш является в египетских источниках в качестве «ливийского» организатора вторжения приморских народов в Египет. Итак, комплекс народов во II тысячелетии, охватывавший этрусков, простирался также и на Северо-западную Африку, причем там был ведущий центр.

Таким образом, сообщение Геродота о «лидийском» происхождении этрусков оказывается лишь сохранившимся изолированно обломком более древней, более обширной, догреческой и до-индоевропейской традиции. Как Геродот, так и все следовавшие за ним историки вплоть до нашего времени односторонне раздули этот обломок традиции, объявляя «этрусков» выходцами из «Лидии». Если мы восстановим традицию более широкого комплекса, то можно установить с достоверностью лишь этническую и культурную связь, правда, бесспорную, между «Лидией» (Малая Азия) и культурным центром в Северо-западной Африке.

При этом «турша» («этруски», «тирсены») играют какую-то роль по отношению к Малоазийскому матерiku и островам перед ним (например Имбросу и Лемносу). В известном смысле эта роль «этрусков» простирается еще до халдов, «алародинов» Геродота (III, 94; VII, 79), народа, положившего начало культуре в позднейшей Армянской области (халды—побежденные ассирийцами «урарту»). Однако эта роль никак не тожде-

ственна с той ролью этрусков, которая известна нам из истории; она коренится, в общем, в гораздо более древнем и всеохватывающем комплексе этнических и культурных связей, центр которого мы должны искать в Северо-западной Африке (мы находим этот комплекс и в греческой традиции под именем «пеласгов»). Вопрос о происхождении «этрусков» может быть окончательно выяснен лишь тогда, когда нам удастся восстановить этот комплекс по всем имеющимся источникам и с помощью методов как исторических, так и принятых для изучения доисторических времен.

II

Центр постулируемого здесь этнического и культурного комплекса находился в Северо-западной Африке, а именно у «озера Тритон», т. е. у нынешнего Шотт-эль-Джерид в Южном Тунисе, к югу от восточных отрогов Атласских гор, недалеко от Малого Сирта, нынешнего залива Габес. Вероятность этого вытекает уже из следующих античных источников.

Геродот (IV, 180 и 188 сл.) сообщает, что еще в его время ливийские девушки ежегодно праздновали на берегах озера Тритон праздник Афины; здесь считалась древнейшая родина как Афины-Паллады, так и ее отца, Посейдона. Укажем также, что Каллимах (у П л и н и я, NH. V, 28) называет озеро Тритон также «озером Паллантиады», тогда как еще Птолемей называет его просто «озером Паллады», но понимает под этим именем только озеро, образуемое устьем реки Тритон. В сообщении Геродота центральный греческий культ выдающегося культурного значения сводится к искомому нами до-«индоевропейскому» центру и устанавливается первостепенная роль этого центра. По тому же Геродоту (IV, 191), у озера Тритон жили максии, т. е. «машауаша» египетских источников, — ведущий народ в великом «ливийском» действии «приморских народов»; в тех же египетских источниках в тесной связи с машауаша выступают «турша», т. е. «тирсены» — «этруски». Отсюда следует, что эти «первоначальные этруски» в той или другой форме участвуют в этой культурной доминанте.

Согласно Диодору (III, 55; Страбон, XI, 505), «царица амазонок» Мирина пришла с озера Тритон и основала в Малой Азии города Мирину, Киме, Питану, Приену, Эфес и Смирну. Это тоже указывает на выдающуюся культурную роль какого-то тритонского народа, причем в той («лидийской») области Малой Азии, из которой, по Геродоту, «происходят» этруски. Упоминание об «амазонках» свидетельствует о том, что у этого народа господствовал матриархат. Ибо, согласно И. И. Бахофену, сказания об амазонках отражают последнюю стадию матриархата. Этрусская народность была организована по материнскому праву во все время своего исторического существования. Согласно Диодору (цит. место), по смерти Мирины «амазонки» возвращаются к озеру Тритон; это означает не что иное, как уничтожение матриархата греками, организованными по отцовскому праву. Однако у ликийцев в их изолированной горной родине матриархат сохранялся до времен римлян. Диодор (III, 58 сл.) подчеркивает тесное родство «тритонского» учения о богах с «фригийским» и сообщает (III, 67 сл.), что «фракийские» и «фригийские» певцы прославляли богов и героев озера Тритон уже вскоре после Троянской войны. Это означает обратное культурное влияние из Малой Азии на культурный центр в Северо-западной Африке. Так как этот центр, как доказано, должен охватывать также этрусков, то, быть может, этим объясняется то обстоятельство, что в исторической культуре этрусков встре-

чается так много малоазийских культурных и, быть может, также языковых моментов («лидийские», «фракийские» и «фригийские»).

Диодор называет столицей «атлантиев» и «амазонок» Тартесс (III, 53, 6), разрушенный землетрясением. В связи с нашим изложением замечательно, что одно из названий Афины-Паллады—«Тарсо» (Схол. к Ил., V, 2) и точно так же одно из названий Аполлона—«Тарсийский». По мнению Альберта Германна («Die Erdkarte der Urbibel», Berlin, 1931, см. ниже), который первый указал на эти моменты, первоначальной формой имени «Тартесс» вероятно является «Тарсиа», так как *-есс* или *-ис* в *Тарсис*, библ. «Таршиш»,—малоазийские суффиксы. Основной слог *Тарс*, как собственно этнический признак, встречается в имени этрусского божества «Тарсу»; этот слог отождествляется Германном с корнем *турс* в «тирсеной». Таким образом, «Тартесс», т. е. имя искомого культурного центра, означает не что иное, как «город Тарса» (родит. падеж) или «Турс», т. е. «город этрусков» (Schulten—Tartessos, S. 391). К тому же, согласно В. Шульце («Geschichte der lateinischen Eigennamen», Göttingen, 1904), тартессские собственные имена принадлежат к этрусскому языку; так, например, «Мирина»—этруская «Мурина», «Аргантониос» равно этрусскому «аркнти» и т. д. Я не решаюсь высказать свое суждение обо всех этих сближениях имен, так как не являюсь лингвистом.

Из всего изложения у Диодора вытекает, что «столица атлантиев и амазонок», о которой у него идет речь (значит Тартесс), может находиться только на озере Тритон. А согласно Геродоту (IV, 191), максии, очевидно, являются ведущими среди тритонских народов; они одни среди них занимались земледелием и жили в городах; в качестве ведущего народа они являются уже также в египетских источниках; они являются «собственно движущим началом в движении в Северной Африке», говорит Эд. Мейер (II, 1, стр. 589). Таким образом, максии оказываются собственно тартессцами, хотя Геродот (цит. место) сообщает, что они пришли из «Трои» на их исторические седища его времени, т. е. на север от озера Тритон; сообщение Диодора (III, 53, 6) о землетрясении, быть может, указывает на причину этой миграции. В связи со всем этим получают особое значение отдельные сообщения о некоторых общих моментах материальной культуры у максиев и этрусков. Так, например, у тех и других известно было столь специальное дело, как изготовление киновари из ругти и употребление киновари в качестве мази. Геродот сообщает это о максиях, Плиний (XXXIII, 3) говорит это о «предках римлян», которыми могли быть только этруски, и вместе с тем об «эфипах» Северной Африки. Точно так же о тех и других, максиях (тартессцах) и этрусках, сообщается, что они делили между собой славу горного дела (этруски славились им во все время своего исторического существования).

Относительно географического положения Тартесса, т. е. искомого нами культурного центра, мы говорим в главе III. Однако на мой взгляд, уже те классические источники, которые мы цитировали выше, единогласно указывают, что Тартесс следует искать в Северо-западной Африке, в области атлантиев и амазонок, т. е. у озера Тритон, которое еще незадолго до Геродота, вероятно, соединено было с Малым Сиртом судоходным, хотя уже очень заиленным протоком. Во всяком случае, только при таком предположении становится понятным сообщение Геродота, что греки VII и VI вв. еще сто лет продолжали находиться в торговых сношениях с тартессцами. Точно так же становится понятным и другое сообщение, что фокейцы во время своих смелых поездок посетили также последнего

царя Тартесса, Аргантония, были радушно приняты им и основали в его царстве колонию Майнаке. Эта колония, вероятно, находилась несколько километров севернее от нынешнего Габеса, т. е. несколько километров южнее от высохшего ныне протока от озера Тритон к Малому Сирту. Сюда относится также сообщение о самосском мореплавателе Колайосе, который около 660 г. до н. э. на пути в Египет был заброшен бурей на запад и в результате попал через «Геркулесовы столбы» в Тартесс. Разумеется, трудно допустить, что парусное судно, находившееся на пути из Греции в Египет, было отнесено бурей до самого Гибралтарского пролива. Следовательно, приходится искать первоначальные «Геркулесовы столбы» где-нибудь в другом месте. Так как они упоминаются в неразрывной связи с Тартессом, то искать их следует там, где мы искали этот культурный центр: в области Малого Сирта, который является естественной гаванью для корабля, отнесенного на пути в Египет бурей на запад.

III

После выхода в свет книги географа древности Альберта Германна—«Die Erdkarte der Urbibel», Berlin, 1931—необходимо для выяснения до-«индоевропейского» этнического и культурного комплекса с центром в Северо-западной Африке использовать не только классические греческие источники и египетские сообщения о «приморских народах», но также древнебиблейские и даже ассирийские источники. К упомянутому комплексу принадлежат также «турша»—этруски. Так как книга Германна в настоящее время для меня совершенно недоступна, я привожу в дальнейшем его аргументацию только на память и по тем немногим заметкам, которые я внес в свои карты. Я не в состоянии цитировать его точные указания источников. Однако там, где он цитирует классические источники, они, конечно, совпадают с теми, которые я использовал самостоятельно от Германна. Выше приведены самые важные из них.

Этнологические и географические сообщения апокрифов к Ветхому завету дают гораздо более обширную и более полную карту земли, чем этот последний. В некоторых отношениях они превосходят также классические источники, а именно, что касается Переднего Востока, Северной Африки и—в одном, существенном отношении—даже островов Средиземного моря. Германн установил по древнебиблейским¹ источникам два момента, имеющие решающее значение для нашей проблемы: 1) точное местоположение библейского «Таршиша», т. е. искомого нами культурного центра Тартесса, в котором, как показано выше, должны были уже участвовать «первоначальные этруски» («турша»); 2) заселение четырех «лежащих перед Яфетом», т. е. перед европейскими берегами Средиземного моря, главных островов—Корсики, Сардинии, Сицилии и Крита; это заселение произошло во время Соломона, т. е., примерно, в 950 г. до н. э., и осуществлено было родственными между собой племенами под единым древнебиблейским названием «Тирас».

К пункту 1. «Таршиш» давно известен из ветхозаветных источников, как страна, добывавшая и вывозившая серебро. Царь Соломон посылал в «Таршиш» свои знаменитые экспедиции за серебром, которым он украсил храм Сиона. Впрочем, из «Таршиша» ввозились в Передний Восток

¹ Автор, повидимому, имеет в виду библейский псевдэпиграф—«Кн. юбилеев», написанную, вероятно, в конце II в. до н. э.—*Ред.*

также золото, олово, медь и слоновая кость. На двух ассирийских надписях фигурирует страна олова «Тартиси», принадлежащая царю Западного моря. Критские серебряные кинжалы, а также серебряные кубки из второго слоя раскопок в Трое, по всей вероятности, тоже изготовлены из «таршишского» серебра. Согласно апокрифам к Ветхому завету, царство или город «Таршиш» лежит в стране «Хама», т. е. в Северной Африке, по соседству с царством «Ханаан»; последнее охватывало, примерно, Алжир и Марокко. Уже эти данные наводят на мысль искать «Таршиш» в области Туниса. Далее, по апокрифам к Ветхому завету, «Таршиш» лежит у озера или моря по имени «Атель». В этом имени мы легко найдем тот же корень, что в имени гор «Атласа». Оно, следовательно, означает не что иное, как «атлантическое» озеро или «атлантическое» море. Согласно Германну, это озеро или море никак не океан, который мы ныне называем Атлантическим, а не что иное, как озеро, которое греки называли Тритон и которое лежит у юго-восточных отрогов Атласских гор (нынешний Шотт-эль-Джерид). Название «атлантический» переместилось на запад во время всеобщего передвижения географических имен у позднейших греков, согласно их расширенной картине мира. Точно таким же образом переместились на запад многие другие имена, например также название «Геркулесовы столбы», за которыми все известные источники помещают Тартесс. Все ученые, искавшие Тартесс, начиная от античных и до нынешних, стали жертвой этой передвижки имен у греков. В том числе также Адольф Шультен. Следуя всеобщему предубеждению, он искал Тартесс у устья Гвадалквивира, но после двадцатилетних раскопок, проведенных в трех кампаниях, он нашел лишь остатки римской рыбацкой деревни и, изолированно, одно-единственное магическое кольцо из меди с архаической греческой надписью VI в. Воистину, это не оправдывало ни громадных затрат на эту «научную» кампанию, ни объемистой книги, которую Шультен написал по этому поводу. Германн наглядно показывает на геологических картах дельты Гвадалквивира, что этой работы впустую можно было бы избежать, если бы ученый археолог не поленился ознакомиться с самыми элементарными данными геологии. Дельта Гвадалквивира, на которой производились раскопки Шультена, представляла в то время, когда Шультен предполагал здесь расцвет и чуть ли не основание Тартесса,—не что иное, как болото, подвергавшееся медленному процессу высыхания. Даже те остатки римской рыбацкой деревни, которые были найдены Шультеном, стояли на образовавшейся тем временем отмели! Не говорим уже о непреодолимом разном в расстояниях между «Геркулесовыми столбами» и Тартессом, а также между «Геркулесовыми столбами» и промежуточным пунктом «Эритейя»; в сообщениях древних эти расстояния, несмотря на передвижку имен, всегда остаются одинаковыми вплоть до Страбона и даже до *Periplus* Авиена в 400 г. н. э. Не говорим также о том, что в Гибралтарском проливе, шириной в 22 километра, совершенно не существует «плоских скалистых островов» на расстоянии 30 стадий, или 5,6 километров, как это единодушно утверждают античные источники относительно «Геркулесовых столбов». Эти острова не могли также стать «опасными для судоходства» вследствие «прогрессирующего заиления», как это утверждает теми же источниками относительно подступа к Тартессу.

Зато географические и геологические данные, которые Германн обильно и со знанием дела использует при толковании античных и ветхозаветных источников, напротив, с импонирующим постоянством говорят в пользу

германновской и моей теории, которую я считал возможным вывести уже из одних классических источников. С геологической точки зрения решающее значение здесь имеют три следующих основных факта естественно-исторического порядка:

1. Прогрессирующее высыхание всей этой области, начиная от периода дождей ледниковой эпохи до нынешнего времени, когда южнотунисский ландшафт носит характер степей и пустыни. При этом погибла вся та флора и фауна, свидетелем которой был еще капсийский человек, увековечивший себя на бесчисленных наскальных рисунках в области Атласа.

2. Сильное землетрясение, произошедшее, как можно установить с помощью геологических данных, в области Южного Туниса приблизительно после середины II тысячелетия до н. э. Оно сопровождалось более или менее повсеместным разрушением каналов и повело к быстрому понижению уровня почвенных вод.

3. Прогрессирующее поднятие всей территории, на которой находится нынешний Тунис. Оно составляет на западе (быть может, со времени упомянутого землетрясения) 15 метров, на востоке (у побережья Малого Сирта)—33 метра. Это поднятие территории необходимо вело к растущему заболачиванию и окончательному высыханию дельты у моря «Атель», или озера Тритон. Поднятия территории и снижение уровня почвенных вод привели к тому, что некогда обширная водная поверхность приблизительно в 6 100 кв. километров (в ранней древности) сократилась до 4 410 кв. километров,—цифры нынешнего Шотт-эль-Джерид.

Эти три основных естественно-исторических фактора, с одной стороны, обусловили возможность очень раннего в истории человечества расцвета культуры в этой области. Страбон пишет, что уже за «600 лет» до его времени Тартесс позаботился о том, чтобы были записаны в стихах судьбы его народа. С другой стороны, упомянутые факторы объясняют прогрессирующее вымирание и окончательное исчезновение этой культуры, причем представители ее уходят в другие места, имеют место экспансия и завоевания. Очень возможно, что выступлению «приморских народов» против Египта в начале XII столетия до н. э. дало толчок катастрофическое ухудшение естественных условий, вызванное в XIV или XV столетии землетрясением и разрушением каналов. Упомянутые геологические факторы полностью объясняют нам фрагментарные греческие известия о гибели Тартесса в результате землетрясения, об опасном заиливании судоходного пути к Тартессу и т. д. Легендарная и фрагментарная форма этих известий объясняется тем, что между временем их первого письменного зафиксирования и катастрофическими последствиями указанных естественно-исторических факторов протекли уже столетия, в которые Северная Африка вообще еще не вошла в поле зрения греков.

Остается еще вопрос: объяснять ли с помощью геологических данных о Южном Тунисе также особые утверждения библейских и греческих источников о богатстве «Таршиша», или Тартесса, серебром? Поскольку мне известно, этот вопрос должен еще остаться открытым. Впрочем, одно обстоятельство указывает, пожалуй, на возможность положительного ответа на этот вопрос. Река, впадающая в озеро Тритон, т. е. в Шотт-эль-Джерид, а именно: та река, у устья которой Германн, по археологическим соображениям, предполагает городской холм Тартесса, Уэд Мела, принимает в 15 километрах вверх от устья название Уэд Ниесриф, что на нынешнем берберийском языке означает: «Серебряная река». Замечательно, что греческий поэт Стесихор, рассказывая о приключении Геракла с царем

Герионом в Эритейе (промежуточный пункт на морском пути в Тартесс), говорит о реке «Тартесс», которая «вытекает из одной серебряной горы». Аристотель тоже упоминает про «серебряную гору» в Северной Африке, лежащую у стечения двух рек; правда, он говорит здесь о Верхнем Ниле, но река впадает у него в западное Средиземное море.

И другие географические факты категорически говорят в пользу нашего тезиса. В первую очередь укажем следующее. Там, где озеро Тритон соединялось с Малым Сиртом, Германн действительно нашел два «плоских скалистых острова» (северный называется Мела, южный—Ауина), расстояние между которыми в точности соответствует указываемому древними расстоянию между обоими «Геркулесовыми столбами»: 30 стадий, т. е. 5,6 километров! Эти острова найдены Германном на «солено-глинистой площадке», вдающейся теперь на 4 километра в материк. Это открытие приобретает особое значение в связи с другим открытием Германна. Он установил, что и другие расстояния, указываемые древними, а именно: расстояние между обоими «Геркулесовыми столбами» и промежуточным пунктом «Эритейей» (один день пути=340 стадий=63 км) и расстояние между «Эритейей» и Тартессом (два дня пути=680 стадий=126 км) прекрасно подходят к действительным условиям на нынешнем Шотт-эль-Джериде. Первое из указанных расстояний более или менее соответствует расстоянию между обоими скалистыми островками Мела и Ауина и холмом развалин, находящимся на острове у въезда в Шотт-эль-Джерид и, очень возможно, бывшим в свое время городским холмом Эритейи. Второе, двойное расстояние столь же точно соответствует остающемуся пути в Тартесс. Этот путь объезжал мыс и вел в бухту, образуемую устьем Уэд Мела, «реки Тартесс». На предполагаемом берегу последней, в нескольких километрах на юго-восток от местечка Кабили, Германн нашел большой холм развалин, занесенный песком. Итак, здесь, в этом холме, скрывается тайна искомого нами культурного центра Тартесс!

Замечательно, что, не доходя одного километра до устья Уэд Мела, Германн нашел небольшой необитаемый оазис. Туземное имя этого оазиса—по французской транскрипции—«Терракия»; это, возможно, производное от «Таршиш» или от предполагаемой первоначальной формы имени «Тартесс», а именно от «Тарсия». «Терракия» внесена во французскую карту: Тунис, № XXXIX, лист 12; 1 : 100 000.

Окончательную разгадку всех этих вопросов может принести только заступ археолога. Последнему предстоит на этой еще совершенно нетронутой почве, по всем признакам, огромная работа. Она сулит заманчивые перспективы. Несколько южнее от Тартесса, покоящегося еще под своим песчаным покровом, повидимому, находится также огромный некрополь из мегалитических могильников. Он тоже спит еще под покровом пустыни, но может служить свидетельством, что здесь находился культурный центр высокого значения. Некрополь из мегалитических могильников, повидимому, тянется по верхнему течению Уэд-эль-Халлуф, бывшей «реки Тритон», вплоть до гор Матмата, где берет свое начало. Река Уэд-эль-Халлуф протекает несколько южнее реки Уэд Мела; дельта ее состоит из трех рукавов.

К пункту 2. Чрезвычайно важно для ранней истории этрусков открытие, сделанное Альбертом Германном в апокрифах к Ветхому завету. Оно заключается в следующем. Еврейская традиция сохранила воспоминание, что приблизительно в 950 г. до н. э. «четыре больших острова перед Яфетом», т. е. Корсика, Сардиния, Сицилия и Крит, некогда были

заселены людьми, которых эти источники называют единым именем «Тирас», или находились под их владычеством. Я считаю, что в имени «тирас», несомненно, содержится этнический признак этрусков—*т-р-с*. Значит, это известие утверждает, что упомянутые четыре острова находились некогда под властью «этрусков». Другими словами: здесь зафиксирована историческая ситуация, которую можно считать естественной предварительной ступенью к переходу этрусков на их исторические поселения в самой Италии. Более того, если брать упомянутое известие дословно и включать также Крит, то оно является также промежуточным звеном в миграции «тирренов» из «Лидии» в «страну умбров», миграции, о которой сообщает Геродот (I, 94).

Однако для критического исследования проблема заключается именно в том, можно ли принимать дословно это известие апокрифов к Ветхому завету. На их карте мира носит единое обобщающее имя также многое другое, о котором у авторов апокрифов не было конкретных сведений; укажем только на объединение народов Северной и Восточной Европы под обоими мифическими именами «Гог и Магог».

Действительно, нынешние сведения о карте народностей Средиземного моря во II и I тысячелетиях до н. э. исключают возможность того, что в X в. до н. э. Корсика, Сардиния, Сицилия и Крит были заселены одними и теми же «этрусками» в нашем историческом смысле или хотя бы находились под единым владычеством. Но весьма вероятно, что в это время на всех четырех островах жили наряду со многими племенами различного происхождения также некоторые родственные между собой племена; возможно даже, что они отчасти господствовали над другими племенами. Имя «тирас», которое дает библейский источник, возможно, выражает общее происхождение этих родственных племен. Я имею в виду те племена, которые мы встречаем уже в египетских источниках в тесной связи с «турша»; это—группа «приморских народов» под «ливийским» руководством (если не считать «индоевропейских» участников). Возможно, что на западе произошли от «шердана» известные нам в истории сарды, давшие свое имя Сардинии, точно так же, как от «сакаруса» (и «шакалша») произошли сикулы, давшие свое имя Сицилии. На востоке, т. е. на острове Крите, положение в это время следующее: «лукка» (ликийцы) и «пуирста» (филистимляне), тоже принадлежащие к упомянутой группе, уже давно ушли на Азиатский материк, на свои исторические поселения, причем произошло это в результате самого же движения «приморских народов»,—ход этого движения определило в числе других факторов также одновременное занятие Крита дорьянами. Однако еще вплоть до поздних времен греки говорят о «пеласгических» жителях Крита, точно так же, как о карийских или лелегийских «пеласагах» юго-западного побережья Малой Азии или о «пеласагах» целого ряда островов, например Имброса и Лемноса.

Под сводным греческим именем «пеласги» понимались все чуждые грекам элементы в этих краях. На то, какие это элементы, возможно, проливают свет следующие две археологические находки. В восьмидесятых годах прошлого столетия найдена была на о. Лемносе надпись на камне на архаическом этрусском языке; письмена ее—тоже архаические этрусские (см. K. P a u l i—Altital. Forschungen, II, 1886, S. 227 f.); эту надпись считал «этрусской» даже Эд. Мейер в первом издании своего труда «Geschichte des Altertums», II, I Aufl., 1893, S. 300. Затем в 1926 г. Алессандро делла Сета откопал богатый «тирренский некрополь» еще от IX—VIII

столетия до н. э., тоже на Лемносе (см. его отчет в «*Messenger d'Athènes*», от 3 января 1927 г.). Эти находки дали также «многие элементы микенского искусства» и «заставляют предполагать, что тирренцы или пеласги на Лемносе происходят от этой культуры» (A. N e r r i - M o d o n a, *Rassegna di Etruscologia*, s. a., см. также февральскую книжку «*Rassegna Nazionale*», 1928, стр. 4 сл.).

Итак, в настоящее время нет никаких оснований сомневаться в возможности и даже вероятности следующего: на острове Крите еще долгое время после ухода ликийцев и филистимлян жили люди, принадлежавшие к той же группе народов,—мы доказали ее «тритонский» или «атлантический» характер,—будь то оставшиеся на острове «лукка» и «пуирста» или же другие, до сих пор не опознанные еще «приморские народы», как-то «цаккари», «уасес» или «кахак».

Чрезвычайно вероятно следующая историческая ситуация: народы с этническим признаком *т-р-с*, т. е. народы, неразрывно связанные с культурным центром «Таршиш»=Тартесс у озера «Атель»=Тритон, селятся большим полукругом вокруг Италии и Греции от Корсики до Крита и дальше до Лемноса во Фракийском море. Что касается западной части этого полукруга, то это, действительно, ситуация, естественно предшествовавшая переходу Тиренского побережья в руки исторических «этрусков». Все сказанное становится еще более убедительным в связи с тем, что устанавливает Фритц Шахермейер в своей работе «*Frühges chichte der Etrusker*», 1929. Совершенно независимо от библейских источников и не зная их, он с чрезвычайно точной аргументацией устанавливает время «первой волны» иммиграции этрусков в Среднюю Италию, а именно: 970 г. до н. э., что на деле совпадает со временем царя Соломона.

Кроме того, эта схематическая картина, наименование «Тирас» для «четырех больших островов перед Яфетом», делает, на мой взгляд, уже совершенно ненужной гипотезу о прямой иммиграции «тирренов»=«этрусков» из Лидии в «страну умбров» по Геродоту (1,94). Однако это несколько не лишает значения те культурные и языковые аргументы, которые приводились до сих пор в защиту этой гипотезы. Напротив, эти культурные и языковые сближения освобождаются теперь от натяжек, должныствующих объяснить акциденциальное передвижение народов. Отныне эти доводы выражают постоянную культурную связь между народами *т-р-с* («тирас») от Малой Азии через «четыре больших острова» и до Средней Италии. В конечном счете эта культурная связь коренится в великом культурном центре у озера «Атель»=Тритон в Северо-западной Африке, в «Тартессе». Эта непреходящая культурная связь, а не акциденциальная миграция (даже если она имела место, как о ней говорит Геродот), является источником «лидийских», «фракийских» и «фригийских» элементов в исторической культуре этрусков.

IV

Поставленные выше проблемы доказывают особую историческую важность вопроса об этрусках, даже если предположить, что открытый на основе классических и библейских источников до-«индоевропейский» культурный центр в Северо-западной Африке вместе с его наименованием («Тарсия»=«Таршиш»=«Тартес») должен оставаться еще чисто-гипотетическим, пока обширные раскопки не дадут археологического доказательства его существования. Разумеется, географические и геологические

моменты, установленные Альбертом Германном, очень убедительные, по-
коящиеся на личном знакомстве с местностью, не могут служить заменой
археологического доказательства. Подчеркнем, что из всех затронутых
выше проблем каждая теснейшим образом связана с попыткой разрешения
вопроса об этрусках. Наши предположения в этом направлении не идут
по каждой из этих проблем дальше древнейшего достоверного свидетельства
исторического существования этрусков, а именно: дальше источников
о «турша» при XIX и XX египетских династиях.

Вопрос об этрусках выдвигает также дальнейшие проблемы.

Мы укажем здесь только некоторые из них, причем умышленно в виде
вопроса, чтобы подчеркнуть их проблематический и гипотетический
характер.

1. Не являются ли предшественники «приморских народов», т. е.
народов «Тритона»—«Атель» с этническим признаком *т-р-с* («тирас»—
«турша», следовательно возможна также прямая связь «тирсены»—«этрус-
ки»),—разрушителями дворцовой культуры на острове Крите около 1400 г.
до н. э., которых до сих пор тщетно искали ученые? Если упомянутое
выше катастрофическое землетрясение действительно произошло в области
Южного Туниса уже в XV столетии, то естественнее всего, что, как более
или менее прямое последствие этого, уже около 1400 г. до н. э. народы
из области Тритон у Малого Сирта сели на корабли и пытались завоевать
себе новые поселения на северных цветущих островах. К тому же уже в то
время сказывалась климатическая тенденция прогрессирующего высы-
хания Северной Африки; она служила постоянным стимулом для ухода
населения в более благодатные страны. Во всяком случае, не подлежит
сомнению и знаменательно, что около 1227 г. до н. э., когда возникло
движение «приморских народов» (ему предшествовали другие подобные
движения, согласно египетским источникам), на Крите уже жили ликийцы
и филистимляне. Это были, несомненно, народы из до-«индоевропейского»
комплекса народов в Северо-западной Африке; ликийцы принадлежали
к нему в частности по признаку матриархата, который они сохраняли
вплоть до времен Римской империи, так же, как этруски. Ликийцы и фили-
стимляне либо были вытеснены из Крита в результате вторжения дорян,
либо же потерпели неудачу при нападении на Египет и пытались вернуться
на Крит, но этому помешали пришедшие лишь теперь доряне. На свои
исторические поселения в Малой Азии и Палестине ликийцы и филистим-
ляне попали лишь во время движения «приморских народов». Слава
«смелых морских разбойников», которой «тирренские пеласги» пользова-
лись у греков, является параллелью к той роли завоевателей и разруши-
телей, с которой народы этой семьи, возможно, впервые вошли в кругозор
ахейцев, примерно, в 1400 г. до н. э. на острове Крите. И возможно, что
вторжение дорян на этот остров около 1200 г. до н. э. и захват его дорянами
были уже мерой предупреждения против угрожающей экспансии этих
чужеземных народов. Это вторжение навсегда отрезало бы народы *т-р-с*
от их культурного центра в Северо-западной Африке; возможно, что они
уже тогда проникли далеко на север Эгейского моря, а также в Малую
Азию (в сказочных походах амазонок). Кроме «халдов», о которых сей-
час будет речь, последними историческими свидетелями этого были бы
«тирренцы», которые оставались на Лемносе и Имбросе до VI в. негреци-
зированными, а также ликийцы, оставшиеся изолированными в своих
горах на южном берегу Малой Азии.

2. Быть может, в походе народов *т-р-с* из Северо-западной Африки

против дворцовой культуры Крита около 1400 г. до н. э. участвовали уже также халды? Позднее, в начале I тысячелетия до н. э., они мигрируют с запада в страну армян. К. Ф. Леманн-Гаупт расшифровал их, как «урарту» ассирийских источников и «алародиев» Геродота (III, 94; VII, 79). Или же халды во всяком случае пришли в Малую Азию не позже движения «приморских народов» около 1200 г. до н. э., т. е. вместе с ливийцами? По Леманн-Гаупту («Armenien einst und jetzt», II, 2, S. 679 passim), халды пришли на свои исторические места поселения, несомненно, из западной части Малой Азии, вероятно, из будущей Ликии или из ее непосредственного соседства; стало быть, они двигались по направлению с юго-запада на северо-восток, продолжая, таким образом, общее направление экспансии до-«индоевропейских», «пеласгических»=эгейских народностей, к которым принадлежат также «тирренцы» на Лемносе и Имбросе, равно как и ликийцы.

Только в том случае, если нам удастся свести халдов и существенные черты их культуры к тому же этническому и культурному центру, к которому, как мы показали, должны были с самого начала принадлежать этруски, только тогда можно будет дать удовлетворительное объяснение тому поразительному факту, на который я специально указал уже десять лет назад (см. мою работу «Ueber die Herkunft der Etrusker», Berlin, 1929, Exkurs II: «Chaldeen und Etrusker», S. 64 f.). Я указывал на этот факт в связи с изысканиями Леманн-Гаупта. Он заключается в воистину поразительном параллелизме культурно-исторических достижений обоих народов, живших столь далеко друг от друга и тем не менее процветавших в истории в точности в одно и то же время. Я тогда еще не сводил вопрос о происхождении этрусков конкретно к семье народов у озера Тритон—«Атель». Однако уже тогда был составлен перечень черт культурной близости между халдами и этрусками. Как халды, так и этруски—воинственные и властные народы; оба они в высокой степени принадлежат к культурному кругу наскальной скульптуры (как, впрочем, и ликийцы). Оба они славятся своей выделкой оружия и в особенности художественными коваными изделиями из бронзы и железа; отчасти они производят совершенно одинаковые изделия, например большие ритуальные сосуды и подставки для жбанов (об этрусских объектах см. мой труд «Die Kunst der Etrusker», илл. 107—109, 119), треножники и канделябры с животными мотивами (позднейшие эпохи этрусков), троны, обитые бронзой (илл. 126, 138—141), и др. В эту позднюю эпоху от конца VIII до начала VI столетия до н. э. искусство этрусков носит восточный налет. Хотя к этому времени оба народа уже давно разъединены географически, в их производстве продолжают встречаться общие обоим, а отчасти также совершенно тождественные объекты. Это предполагает торговые и культурные сношения между Этрурией и страной халдов на юге от Понта. При этом приходилось преодолевать все расцветшее тем временем греческое культурное пространство и удавалось даже оплодотворить его (ср. бронзы из Олимпии).

Стиль этрусского и халдского искусства тоже обнаруживает чрезвычайно совпадения: безусловное предпочтение пожирющих добычу хищных зверей на краях сосудов и предметов мебели (см. мою работу «Die Kunst der Etrusker», илл. 138—141, 35—37; ср. Lehmann-Haupt—Armenien einst und jetzt, II, 2, илл. на стр. 470, 471, 473); или противоестественные гривы на спинах животных, особенно у львов и быков,—мотив, встречающийся только у обоих этих народов (см. мою работу «Die Kunst der Etrusker», илл. 21, 22, 110, 128 наверху слева), а также извест-

ные примеры капиголийской волчицы и аретинской химеры и раскрашенные быки из Tomba dei Tori в Тарквиниях (ср. с этим иллюстрацией у Леманн-Гаупта на стр. 742, 744, 745, 747); или же предпочтение фантастических образов (ср., например, бородатых сфинксов-птиц в моей работе «Die Kunst der Etrusker», илл. 100—110, с быком-херувимом, или «ламассу», у Леманн-Гаупта, стр. 748).

Кроме того, как халды, так и этруски весьма искусны в кованых изделиях из золота и серебра, что, возможно, связано с тем, что первоначальная общая родина обоих народов изобиловала золотом и серебром. Так, например, этруски являются изобретателями техники филигранной работы (см. мою работу «Die Kunst der Etrusker», стр. 42, прим. 1, а также илл. 85—87 и описания к ним) и мастерами грануляционной техники (см. там же, илл. 78 и многие другие в отделе золотых работ, а также описание техники к илл. 73 и текст к илл. 58—59; из них следует, что изобретение грануляции является заслугой древнеэгейской культуры, и древнейшие грануляционные работы известны нам из Крита и Трои II). Далее халды являются изобретателями техники накладных работ по металлу, называемой ныне «Тульской»; впоследствии она прославилась в Грузии и затем в Южной России, где она процветает по сию пору. Этрускам тоже знакомы накладные работы по металлу (см. «Die Kunst der Etrusker», илл. 114—115; соответственно раннему железному веку, железные фигурки инкрустированы здесь, словно драгоценные камни, в материал из бронзы). Будущие изыскания, надо полагать, установят весь диапазон культурного влияния халдов на народы Кавказа и особенно на ведущий здесь грузинский народ и—далее—на огромный по своему протяжению культурный круг «скифского» искусства, а с ним и на всю Россию и Среднюю Азию. При этом окажется, что влияние халдов было здесь столь же значительным, как влияние этрусков на итальянские и европейские народы вплоть до итальянского Ренессанса; через Ренессанс этруски воздействовали, таким образом, на всю европейскую культуру.

В своей работе «Ueber die Herkunft der Etrusker» я следующим образом резюмирую сопоставление халдов и этрусков: «Оба народа являются отпрысками одного корня, хотя (географически) далеко разошлись друг с другом. Оба сумели сохранить свою связь... с расцветом своей семьи народов, с крито-микенской эпохой. Они сохранили ее еще темным для нас, под-историческим (unterhistorisch) путем, через темную эпоху греческого средневековья» (стр. 65). «Важнее всего следующее: сравнительный критический анализ культуры обоих народов совершенно бесспорно устанавливает во всех существенных чертах (даже в архитектуре и письменах) общий корень—крито-минойскую культуру! Если считать эту последнюю выросшей на почве древнейшей традиции Западного Средиземноморья, то халдская культура является поздним, последним побегом критской культуры в том направлении, в котором она двигалась при своем возникновении, тогда как этрусская культура является одновременным, но ввиду западно-восточного генезиса средиземноморской культуры, направленным в обратную сторону (rückläufig) разветвлением общего корня» (стр. 69—70).

В настоящее время я считаю возможным утверждать на основании доводов, приведенных в главах II и III, следующее: обе культуры, этрусков и халдов, являются последними историческими побегам одной общей культуры, а именно культуры до-«индоевропейского» культурного и этнического комплекса.

Первоначальный культурный центр этого комплекса находится у озера Тритон, или «Атель», в Южном Тунисе («Таршиш»—«Тартесс»). Халды отделились от этого культурного центра уже до движения «приморских народов», вероятно, с той волной, которая повела к разрушению дворцовой культуры на Крите и затем проникла в Малую Азию. Под каким именем халды отделились тогда от культурного центра, нам еще неизвестно. Что касается этрусков («турша»), то доказано, что они еще принимали участие в движении «приморских народов», а потом жили на одном или нескольких из «четырёх больших островов перед Яфетом», как одно из племен «тирас» библейских источников. В самом начале I тысячелетия до н. э. они перешли в Италию.

В этой гипотезе содержится еще дальнейшая проблема:

3. Не является ли вся догреческая, крито-микенская («минойская»), древнеэгейская и древнемалоазийская культура (со включением Трои II) во всем ее объеме уже историческим достижением—главным культурным достижением наряду с позднейшим этруским—западномедиземноморской, «тритонской» или «атлантической» группы народов с первоначальным, еще из каменного века, центром в Южнотунисской области Северо-западной Африки?

Уже всю свою книгу «Die Kunst der Etrusker», 1 Band: «Die Ursprünge» (Berlin, 1929), я построил на доказательстве того, что «рождение этруского искусства, его самобытного ядра, несмотря на восточный налет и последующую эллинскую маскировку, является не чем иным, как художественным возрождением того же первоначального этнического единства, которое создало древнеэгейскую (крито-микенскую и древнемалоазийскую) культуру» (стр. 94—95). Я уже тогда писал: «При дальнейших изысканиях может, однако, оказаться, что существенные элементы древнеэгейского и особенно критского искусства и культуры (как это уже доказано для Египта) берут свое начало в западной части Средиземноморья. Наше изложение не исключает этой возможности, и последняя ничего не изменит в нем. Прибавится лишь следующее: появление «тирренцев» в западной части Средиземного моря может быть истолковано отчасти, как возвращение культурного достояния на свою первоначальную родину, Западное Средиземноморье» (стр. 95).

Я первый ввел в историю искусства древности принцип «автохтонно-средиземноморского» начала. С помощью подробных доказательств я эмпирически и логически провел резкую грань между этим началом и «восточным» (включая позднейший Египет) и «индоевропейским» («классическим», греческим). Затем я в отдельной подробной главе (стр. 66—97) доказал, в частности, автохтонно-средиземноморскую самобытность этруского искусства, его тесное родство с крито-микенским искусством и принадлежность его к доэллиническому, малоазийскому кругу. При этом я исходил из множества общих у них культурных моментов и исторических форм. Здесь я могу лишь суммарно указать на них: матриархат, отсутствие государственной централизации, курганные могильники (tholoi) и могилы-камеры, похоронные маски для усопших, каноны (урны с изображением лица, Троя II), похоронные щиты, жертвенный и погребальный ритуал, символ матриархата—двойная секира (лабрис), как культовый и военный знак (она была также военным знаком «амазонок!»), жилище с атриумом и могильник с атриумом. Все это было общим у тех и других из выше-названных народов. С другой стороны, у них одинаково отсутствует строительство настоящих храмов, они не воздвигают также больших статуй,

и всем им свойственен антинормативный (анти-«классический»), не идеально-статический, а скорее биологическо-динамический стиль в искусстве, затем—предпочтение живописи и т. д.

В настоящее время я не колеблясь утверждаю, что все эти моменты сходства между этрусской и древнеэгейской культурой следует считать доказательствами общего происхождения от одного и того же этнического и культурного комплекса, «тритонского», с центром в Северо-западной Африке. Здесь область самой древней культуры, которая нам вообще известна, а именно палеолитической: культура наскальных изображений в горах Атласа и даже в многочисленных горных оазисах нашего времени в сердце Сахары, капсийская культура, сказавшаяся в тысячах произведений рук человека. Эта культура возникла в ледниковый период, который в Северной Африке был временем дождей со всеми атрибутами умеренного климата и, вероятно, создал здесь один из самых цветущих уголков человечества. Так как эту культуру наскальных изображений можно проследить без перебоев через все эпохи неолита, то нет оснований сомневаться, что в этом крае существовал важный культурный центр человечества (*wesentlich menschheitliches Kulturzentrum*) и продержался здесь до того времени, когда естественные условия жизни человека и его культуры начали катастрофически изменяться, как это изложено в главе III. Очень возможно, что это тяжелое положение наступило уже в IV или III тысячелетии до н. э., так что не приходится сомневаться в возможности ухода населения в Средиземное море уже в это время. Ближайшими и естественными целями для этой миграции были лежащие концентрически к культурному центру в Северо-западной Африке (в Тунисе) «четыре больших острова»: Корсика, Сардиния, Сицилия и Крит вместе с другими островами: Балеарскими, Мальтой и пр. Последние соединяет с материком Северо-западной Африки еще с древнейших времен единая культура наскальных скульптурных изображений и мегалита в V—III тысячелетиях.

